

...Ничего не может проиграть женщина, гадающая для подруги; разве что такие пустяки, как любовь и счастье...

Елена Толстая. Адмиралъ

«Она! Снова она!» — Аня с тоской смотрела в окно, наблюдая, как на школьном крыльце топчется невысокая женщина, одетая нелепо и словно с чужого плеча. «Боже, как стыдно! — в отчаянии Аня уронила голову на свой учительский стол так резко, что больно стукнулась лбом. — Ученики ведь смотрят. Коллеги уже косятся. Ну сколько можно-то?» Действительно, бесчисленные неугомонные клиенты, или «ходоки» (как она их называла), разрушили, по мнению Ани, не только её психику, но и семью.

И хотя Аня никак не могла запомнить имя женщины, она отлично знала, для чего та частенько поджидает её после уроков. Стоит лишь попасть в её поле зрения, как эта монашеского вида скромница встрепенётся, кинется на шею, словно к родной матери, и начнёт безостановочно причитать, рыдать, умолять, заглядывая в глаза. Видеть это почерневшее от горя лицо, слышать бесконечные вопросы о том, выживет ли её тяжело больной сынишка или нет, было Ане уже совершенно невыносимо. Она знала, что мальчик обречён. Об этом ясно свидетельствовали «траурные» линии на ладонях женщины, но признаться в этом обезумевшей от горя матери Аня была не в силах.

Необъяснимый жутковатый талант хироманта приносил Ане всё больше и больше тревог и горестных разочарований. Она и сама не заметила, как из застольного развлечения и потехи гадание по руке превратилось в тяжкое бремя. И когда только вездесущее сарафанное радио успело разнести слухи о её необыкновенном даре далеко за пределы родного города? Откуда узнали о ней все эти многочисленные «ходоки» из соседних областей и даже столичные звёзды, оставалось только догадываться.

Муж Никита долго терпел вторжение армии страждущих в их малогабаритную «двушку», в которой они ютились совместно со старенькой Аниной бабушкой и маленькой дочкой. Точнее, нашествие началось даже раньше, когда их семейство ещё обитало в частном бабушкином домишке

на окраине города. После переезда они надеялись затеряться и пожить спокойно, но не тут-то было! «Ходоки» находили повсюду! После жёсткого ультиматума супруга: «Или я, или они», — Аня строго-настроено запретила навязчивой клиентуре даже появляться на пороге их жилища, надеясь, что на работе поток визитёров остановит бдительная охрана.

Однако путём уговоров, слёз, хитростей или демонстративного игнора «ходокам» всё же удавалось прорываться через вялых школьных секьюрити. Хотя Аню весьма высоко ценили в коллективе как талантливого и перспективного словесника, но без силового вмешательства администрации не обошлось. Первым делом её серьёзно предупредили о том, чтобы она во что бы то ни стало пресекла поток нежелательных гостей в учебное заведение. Жалкие попытки поменять номер телефона и спрятаться от докучливых посетителей ни к чему не привели. Не спасло это от нескольких сердитых выговоров раздражённого начальства. Да и без развода, к сожалению, тоже не обошлось. Муж начал погуливать, а потом и вовсе уехал в столицу, ограничив общение переводом алиментов.

Общаться с некоторыми из Аниных клиентов было иной раз неприятно, а порой даже опасно. Многие толстосумы, например, почему-то считали, что гадалка может не только прочесть их жизнь по ладони, но ещё и как-то исправить. На прошлой неделе её вообще выкрали из школы самым бесцеремонным образом. И кто бы выдумали? Не зарвавшиеся от шальных денег братки с ожиревшими загривками, не осатанелые от вседозволенности властные мужи, не наркоманы с отмороженными глазами, а прекрасные хрупкие девушки, будто отштампованные по образцу куклы Барби.

Яркая стайка девѳх вызвала Аню прямо с последнего урока, благо класс писал сочинение и звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту. По-видимому, вечно похмельный заспанный школьный охранник не стал для них сколько-нибудь серьёзной преградой.

— Привет, мы от Викиуси.

Затем на обескураженную Аню обильно посыпались фальшивые улыбки и дежурные поцелуйчики. Подружки нежно защebetали о том,

что в неких загородных апартаментах стынет шампанское и что уже пора—труба звёт, да и приключение не за горами и так далее. Не успела Аня очнуться от наведённого дурмана, как дорогой автомобиль умчал её от места работы и привычных забот. Отрезвления не наступило и после того, как они оказались в шикарном коттедже элитного пригородного посёлка. В какой-то момент Аню словно накрыл весёлый хмель беззаботности, когда, как гласит народная поговорка, любое море по колёно. Ей даже почудилось, что и она тоже такая же яркая, богатая, свободная и живёт некой совершенно другой, чужой, необыкновенной жизнью, как все эти прекрасные девушки, напоминающие биороботов из фантастического блокбастера.

Кто такая была та мифическая Викуся, да и все эти расфуфыренные девицы, так и осталось невыясненным. Каждую точёную «Барбию» (этак в раннем детстве называла американскую куклу Анина дочурка) можно было отнести как в разряд жён олигархов (равно криминальных авторитетов), так и к прекрасным представительницам золотой молодёжи местного разлива.

Однако причина столь жгучего интереса к скромной Аниной персоне была ясна изначально. По-быстрому накачав гостью шипучим вином, девицы стали наперебой совать ей под нос свои ладошки. Алкоголь всегда помогал гадалке моментально погружаться в нужное состояние. «И понеслось!—как любила говорить Аня.—Дверца открылась!» Густонасыщенное знание о том, что было-есть-будет, словно непомерно тяжкий груз, рухнуло напрямиком в бедную Анину голову, и она, впад в мистический транс, едва успевала проговаривать выскакивающие из подсознания сведения.

Видимо, то, о чём рассказывала Аня, было столь точно и правдиво, что девушки изначально чуть не передралась за право услышать предсказание первой. Но затем быстро смекнули, что не пристало выкладывать столь интимные подробности на всеобщее обозрение. Быстро организовав очередь, они отваживались подходить по одной, и то лишь после разрешения. Слава Богу, что после сеанса Аня мало что помнила из сказанного, иначе отравилась бы чужими тайнами самого омерзительного свойства и давно бы потеряла веру в человечество. После пытки девичьим прошлым и будущим обессиленную Аню отравили домой на такси. Девушки, потрясённые услышанным, заметно подрастеряли недавний кураж. Но не меньше поразило их и то, что вещунья наотрез отказалась брать плату за своё удивительное искусство.

И всё же на следующий день в Анину квартиру занесли подарки: огромную корзину цветов, ящик коллекционного шампанского, а также толстенный фолиант «Курс хиромантии» национальной академии Монреаля. «И где только эти дурёхи достали столь редкий учебник, да ещё в

русском переводе?—недоумевала Аня.—Да и на фига он мне вообще сдался? Им же не объяснить, что линии и бугорки на ладонях да разгадывание хитросплетений чёрточек на коже—это лишь изначальный пин-код, некий ключ от той самой заветной „дверцы“. А уж когда она откроется, то знание польётся полноводной рекой, что протекает по бескрайней Вселенной, и нет той реке ни начала, ни конца... и нет этому объяснения...»

Аня печально усмехнулась, припоминая своё недавнее приключение и то, какой горький привкус оно оставило. Вспомнила, как смотрела на неё заплаканная дочка, как тихонько дёрнула за рукав, да так и не дождалась ласки и внимания от отяжелевшей и безразличной ко всему родительницы. С каким укором и затаённой болью глянула на пьяную внучку бабушка, но лишь поджала губы и молча скрылась, будто убегала от какого-то страшного непотребного зрелища.

Однако сколько ни оттягивай неприятный момент, а пора было выдвигаться с опостылевшей работы: в условленном месте уже поджидала Аню верная-любимая-единственная подруга ещё с детсадовских времён—Яночка. Выглянув из школьных дверей, Аня не увидела скорбного силуэта просительницы, и душа её возликовала. Но не тут-то было! Не успела девушка сделать и десятка шагов, как та вылетела из-за угла здания и набросилась на Аню, словно оголодавшая кошка на мыш, которую долго подстерегала в засаде: —Аннапална! Аннапална! Посмотрите, пожалуйста! Ну одну всего секундочку! Может, что-то изменилось вот сейчас?!—взахлёб лепетала женщина, пытаясь поднести ладони к Аниным глазам. —Нет, не вижу никаких изменений,—упорно отворачивалась Аня, желая поскорее отделаться от женщины.

—Да вы лучше, лучше посмотрите! Вы ж и не глянули даже как следует! Я ж к вам два часа на перекладных из Лавренёвки летела сломя голову. Ведь вчера доктор сам сказал, что полегчало мальчику-то моему!

Аня с интересом взглянула на ладонь женщины, но в ту же секунду опустила глаза. Снова она наткнулась на чёткие знаки близкой и неминуемой смерти ребёнка. Но, как и ранее, язык не поворачивался сказать об этом обезумевшей от горя матери.

«Эх, пусть меня лучше считают плохой гадалкой»,—с горечью вздохнула Аня, решившись на ложь.

—Да, действительно, вот тут небольшое улучшение наметилось... но пока сложно что-то определённое сказать,—прошелестев это одними губами, Аня потупилась и густо покраснела, что вовсе не смутило несчастную.

—Ой, да спасибо ж вам! Огромное какое спасибо-то вам! Натё-ка возьмите!—женщина стала

суетливо открывать старенький засаленный го-монок, из таких, какие остались только у совсем древних деревенских бабушек.

Увидев протянутые купюры, Аня взревела, как ужаленная. Выпалив своё постоянное: «Не надо!» — отмахнулась от женщины и стремглав побежала прочь, не оглядываясь.

Яночку было заметно издалека; словно волшебный аленький цветочек, освещала она своим ярким нарядом тусклый пейзаж провинциального городка. Модница всегда умела удивить окружающих неожиданными и смелыми решениями в гардеробе. Едва завидев Аню, девушка замахла руками столь энергично, что казалось, будто сказочный цветочек затрепетал от сильного порыва ветра.

— Да ты где ж так долго-то? Там же очередь длиною в товарный состав и запись за два месяца! — беззлобно отчитала Аню подруга.

— Так, ты куда меня снова решила втравить?

— Вот тебя как раз совсем никуда не собираюсь. Это ж сам Мар'ёй! Знаешь, сколько я денежек отвалила, чтоб к нему на аудиенцию попасть? Три твои учительские зарплаты!

— А я-то тебе для чего? Я не собираюсь свои кровно заработанные на каких-то очередных аферистов спускать.

— Да с чего ты взяла, что он аферист? К нему даже из заграницы (!) ездят, а кто у него побывал — те просто в шоке!

— Оно и понятно, будешь тут в шоке — если столько денег зазря просадить. Ко мне вон тоже ездят, слава Богу (!), пока не из заграницы, а только из ближайших сёл. Но достаточно вспомнить твои идеи последних лет, — Аня начала перечислять подружкины «косяки» спокойно и подчёркнуто, внятно проговаривая каждое слово, как на диктанте. — Вот, например, продажа парфюма, который оказался с запахом жжёной резины. БАДы и витамины, от которых непременно случались понос и аллергия. Наискорейшее обогащение на ниве страхования, когда нам пришлось через слёзы и запугивание полицией возвращать свои собственные деньги. А чего стоил бесплатный сеанс омолаживающего массажа, когда нас не выпускали из кабинета, принуждая взять кредит! Пришлось откупаться номерами мобильных телефонов всех знакомых и родственников! Ещё или хватит?

— Да уж, достаточно. И на ту псевдостраховую компанию, между прочим, вовсе не я, а ты первая клюнула. Но тут совсем другое. Верняк! Такой, говорят, мощный экстрасенс! Повезло невероятно, он вообще последний месяц народ принимает, потом его в команду президента забирают, во!

— Ну, остаётся лишь поздравить чародея с повышением. Только я-то тут при чём?

— Анечка, милая, ну как ты не понимаешь? Страшно мне! Вот страшно до жути, и всё!

— И для чего тебе тогда загорелось непременно лезть в логово этого монстра? Не хватает драйва в унылых буднях?

— Да потому! По-то-му! Только Мар'ёй сможет мне точно сказать, ехать мне к Адольфу или нет...

— Моя бабуля говорит, что твоего Адольфа нужно было за одно только его имя расстрелять ещё в сорок пятом!

— Вот зря ты так! — вспыхнула Яночка, и в её голосе зазвенела неожиданно высокая и напряжённая нота. — Адик, между прочим, прекрасный человек! Получше некоторых мужей! Он бы никогда жену с маленькой дочкой не бросил на произвол судьбы, как твой бывший.

— Да никто меня не бросал, я Никиту сама выгнала!

— Ну да, конечно, сама, как же! — хмыкнула Яночка. — А то, что ты постоянно намекаешь, что Адик намного старше меня, так муж и должен быть старше жены. И не было его ещё в сорок пятом даже в помине, Адик только на двадцать лет меня и старше, ну на двадцать три... ну четыре...

Казалось, Яночка вот-вот расплечется, защищая любимого, дёрнет плечиком, демонстративно отвернётся и уйдёт. Но вместо этого она крепко схватила подругу за руку и потянула в сторону центральной площади:

— Давай-давай, мы уже опаздываем! А там вообще всё очень строго. Объяснять теперь уже некогда, просто молчи и ничему не удивляйся.

«Хорошенькое начало: не удивляйся! Да если даже этот Мар'ёй окажется чёртом с рогами, после всех Яночкиных затей я уже ничему не удивлюсь!» — думала Аня, когда они подошли к помпезному зданию магазина «Калигула», что мозолил глаза неуместной роскошью в самой сердцевине скромного города. Но оказалось, что знаменитый колдун вовсе не такой уж выпендрёжник и пижон, потому что от пафосного краснокаменного «храма» римскому императору, понтифику и развратнику они направились во дворы — к серенькой, ничем не примечательной хрущёвке. «Ну, понятно — на аренду офиса в престижном торговом центре денег не хватило», — мелькнула в Аниной голове ехидная мыслишка, которую она из осторожности уже не стала озвучивать издёрганной и взволнованной Яночке.

Аня знала и втайне с ужасом ждала того момента, когда подруга решится на переезд к возлюбленному и им придётся расстаться — скорее всего, навсегда. Аня гнала от себя неприятную, болезненную мысль, но для всех вокруг, даже для наивной Аниной бабушки, с каждым днём становилось всё очевиднее, что в конце концов Яночка уступит настойчивым ухаживаниям пожилого опытного немца и укатит с ним в Мюнхен на «пэ-эм-же».

Старый лис был до самозабвения влюблён в Яночку, это было видно уже по тому, как он

начинал растерянно хлопать белёсыми ресницами при виде дамы сердца, а в его колючем взгляде стремительно таяли холодные льдинки, делая глаза похожими на два маленьких голубых озера. Адик был весьма занят на работе в банке, но мотался в сибирскую глубинку как минимум три, а то и четыре раза в год. Благодаря ему провинциальная медсестра Яночка систематически выезжала то в европейские столицы, то на экзотические азиатские курорты.

Адик официально посвятился к Яночке аж четыре года назад. Тогда на эту церемонию все родственники и друзья были приглашены в любимый ресторан жениха «Ёлки-палки». Эти дешёвые пункты питания в псевдонародном стиле густо расплодились тогда по всей стране. «Представляете, прикол: Адик думает, что эти идиотские „Ёлы-палы“ и есть наш самый настоящий русский национальный дом,—со смехом рассказывала приятельницам Яночка,—как будто у нас посреди нестроганой хаты телеги с салатами стоят! Серьёзно говорю. Мой Адик вообще обожает всё русское. Да! Он даже язык начал учить. Так потешно! Представляете, на ярмарке алтайского мёда купили ему вышитую косоворотку, так он её до того залюбил—носит дома не снимаячи и даже спит в ней!»

Конечно, Яночку тогда насторожило, что жених не больно-то разорился на праздничный стол, да и гости были несколько обижены отсутствием спиртного. Вместо вина в бокалах плескался любимый Адиком клюквенный сок. Однако ж когда невеста ответила согласием и нежно поцеловала его в крючковатый нос, жених, зардевшись, как маков цвет, раскошелился на единственную бутылку шампанского. «Ничего, зато не будет водку жрать, как наши мужики!»—успокаивали Яночку родственники постарше, что услуго натерпеться всяческих бед от извечного русского недуга своих супругов.

Поначалу Яночку очень коробило, что после каждого обеда в ресторане Адик требовал упаковать ему остатки еды в контейнеры для продуктов и непременно забирал объедки с собой. Не брезговал он доедать с Яночкиной тарелки и допивать из её бокала, даже если за столом, кроме них, присутствовали другие, порой малознакомые люди.

Из гостиничных номеров Адик никогда не забывал уносить с собой все одноразовые «мыльно-рыльные» упаковки и складывал их потом в большой круглый аквариум в своей стерильной ванной комнате. В аквариуме уже почти не осталось места, а маленькими мыльцами и шампунями никто и не собирался пользоваться (Адик мыл голову только специальным средством против облысения). Но рачительный хозяин всё равно увозил с собой всю мелочёвку и очень радовался, когда в номерах отеля для постояльцев полагались

одноразовые тапочки, которые тоже годами копились в его доме на антресолях, в нераспакованных целлофановых пакетах. Однако и тут Яночка придумала оправдание для любимого: «А что? Всё в дом! Не то что непрактичные одногодки, всё готовы по ветру пустить. А у Адика и домик как игрушечка, и автомобиль, и клумбочки, и в доме— всё к делу!»

Адик, надеясь на кратковременный и ни к чему не обязывающий роман с русской барышней, влип в отношения, словно комар в смолу, которая уже затвердела и стала превращаться в янтарь. Приятная девушка с кукольным личиком и звонким детским смехом поначалу показалась ему лёгкой добычей. Но время шло. Невидимые нити, привязавшие его, матёрого, прожившего трудную жизнь «мэтра экономики и кредитования», превращались в путы, в верёвки, в канаты. А Яночка не торопилась с ответом, её как будто всё устраивало. Беспечная молодая особа крутила им как хотела. Особенно злили Адика значительные траты на поездки, которых он мог избежать, если бы они жили вместе в его чудном уютном доме.

Аня знала о сомнениях и страхах доверенной подруги, недаром они дружили с дошкольного возраста. Яночка действительно стояла перед непрымством для неё выбором: оставить дружную семью, медицинскую династию, хоть и трудную, но всё равно любимую работу и стать домохозяйкой в чужой стране с непомерно бережливым супругом.

Тем временем, пока Аня размышляла над перипетиями подружкиной жизни, они подошли к ничем не примечательному подъезду. С этого самого момента удивление не оставляло Аню. Оказывается, заходить нужно было даже не в подъезд, а в подвал. На облезлой стене сыяла вызывающе яркая вывеска тренажёрного зала, на которой были изображены брутальный качок и сексапильная красотка с увесистой гантелей в руке.

Действительно, спустившись по узкой лестнице, круто уходящей вниз, девушки оказались среди тренажёров и спортивных снарядов. В полутёмных залах со спёртым воздухом не было ни окон, ни кондиционеров, кое-где по углам брядали железом одинокие угрюмые люди. Могло показаться, что это некое убежище гонимых подпольных физкультурников.

Они прошли первый, второй, третий отсек спортивного бункера, а он всё не заканчивался. Если бы Ане тогда сказали, что это только начало пути, она ни за что бы не поверила. После десяти минут быстрой ходьбы они миновали и душевые кабинки, и густые испарения подземной сауны. Затем потянулись обыкновенные подвальные коридоры с мышинным запахом, начинённые большими и маленькими трубами неведомых коммуникаций. По Аниным предположениям, они прошли расстояние, как минимум равное

десятку таких хрущёвок, и, судя по направлению движения, находились уже где-то под центральной площадью города, и над ними шло интенсивное дорожное движение. Наконец она не выдержала: — Слушай, я вообще-то не собиралась так глубоко погружаться в андеграунд! Твой колдун подрабатывает в царстве Аида?

— Ш-ш-ш, уже пришли, — неожиданно тихо и сдавленно прошипела девушка.

И действительно, отворив очередную дверь, путешественницы оказались в небольшом холле, который по интерьеру вполне можно было бы принять за платную поликлинику, если бы не полное отсутствие окон. За стойкой «регистратуры» им приветливо улыбалась симпатичная девушка: — Все уже собрались, ждём только вас, Яна. А почему вас двое?

— Это моя близкая подруга... просто поддержать пришла...

— Хорошо, тогда напоминаю: по правилам магистра Мар'я, вся группа пациентов, записанных на сегодня, находится в зале ожидания. Пациенты могут говорить только шёпотом и не выясняют очередности. Магистр Мар'я в нужное время сам выйдет в зал и пригласит на приём того пациента, кого посчитает нужным. Максимальное время, которое вы можете провести в зале ожидания, — три часа, затем работа магистра на сегодня будет завершена. Даже если вас не вызовут вообще, знайте: магистр Мар'я работает с вами, и ваша проблема разрешится в кратчайшие сроки.

— А если нет? — Аня с вызовом взглянула в округлившиеся глаза девушки. — Если вот, например, не разрешится? Тогда что?

— Таких случаев ещё не было, — парировала регистраторша со спокойной убеждённой в голосе. — Проходите.

В полутёмном зале, напоминающем комнату отдыха частного санатория, по всему периметру стояли диваны и кресла, в которых расположились люди. «Восемь человек, — быстро сосчитала Аня. — Значит, Яночка должна была стать девятой, а тут ещё я припёрлась».

Интерьер дополнял низенький круглый стол, стоящий посреди комнаты. Тусклый оранжевый ночник с трудом освещал помещение, растворяя силуэты людей в темноте. Вместе с тем мягкий тёплый свет погружал в некое заторможенное, дремотное состояние, при котором не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать. Всё пространство было устелено коврами и пледами, повсюду валялись маленькие и большие подушки. Почти все люди разулись и забрались с ногами на кресла, а те счастливики, которым достались диваны, и вовсе возлежали на них, словно римские патриции на пиру.

«Может, тут так положено? Развалиться эдак фривольно, как у себя дома, раз такие деньжищи

отвалил. Да ещё не факт, что мистер-магистер вообще тебя примет. А что? Классно устроился! А Янка — дурочка, повелась на такой дешёвый развод!» Но как только девушки присели на диванчик, то словно провалились в пуховое облако. Последовав примеру остальных посетителей, они скинули обувь и легли поудобнее.

Аня разглядела на стене часы весьма странного вида. Нет, они не были какой-нибудь вычурной формы, просто круглые, и стрелки — самые обыкновенные, только светились вместе с цифрами зеленоватым фосфорическим светом, тоже, в общем-то, вполне привычно. А необычным было то, что на циферблате имелось только пять цифр: 6, 7, 8, 9 и 12. После того как девушки расположились, начался отсчёт трёхчасового приёма.

— Видать, у магистра работа пошла, — кивая на светящийся хронограф, тихо сообщила Аня, саркастически добавив бесцветное «ха-ха», что подразумевало: «Ну, всё. Мы попали!»

Время поплыло, секундная стрелочка безостановочно крутилась по циферблату, уже и минутная сделала полный круг, потом и короткая неповоротливая часовая коротышка перепрыгнула с цифры шесть на семь, а его величество Мар'я и не думал посещать сумрачные покои.

— Янчик, слухай сюда! А представь себе: вдруг его — вообще нет? — с жаром зашептала Аня прямо в ухо подруге. — А что, если приходят люди, деньжищи отвалют, потом полежат три часика в темноте, бока помнут и — адью? Бизнес по-русски такой, а?

— Да ты не понимаешь, о чём говоришь, спи давай! — лениво зевнув, ответила Яночка и, прикрыв лицо ладонью, впала в анабиоз.

— Дурдом какой-то! — обречённо констатировала общий диагноз Аня, решив больше «не париться» и попытаться максимально расслабиться.

Ну когда ещё доведётся вот так-то, в компании незнакомых людей, посидеть в тёмных катакомбах?

В установившейся тишине Аня слышала только размеренное дыхание вокруг и далёкое дребезжание автодороги где-то высоко наверху. Вдруг чьи-то быстрые уверенные шаги нарушили полусонный покой. Из чёрного дверного проёма показался сначала луч фонарика, затем и сам хозяин подземелья. Разглядеть его было сложно, зато он скользил световым лучом, выхватывая из полумрака лица людей. Лучик искал-искал кого-то, на некоторых лицах останавливался чуть дольше, чем на остальных, словно пытаясь узнать. Люди щурились от бьющего света, некоторые даже пытались прикрыться руками. Наконец, пробежав ещё один круг по комнате, луч остановился на Ане. — Ты, — приказал густой баритон, — иди за мной! — Н-не-ет... я не в очереди, я тут с подругой... я не платила, и... — отчего-то сильно испугавшись, Аня стала что-то растерянно мямлить невпопад.

— Иди за мной. Больше не повторяю, — повелел обладатель баритона и, повернув к чёрному проёму двери, стал быстро удаляться.

«А если он сейчас рассердится и вообще больше сюда не вернётся? Я же тогда подведу всех остальных!» — успела метнуться в Аниной голове ужасная догадка, и ей ничего более не оставалось, как, прихватив сумку и туфли, догонять по узкому коридору высокий тёмный силуэт.

Залетев вслед за магистром в его кабинет, Аня так запыхалась, что еле смогла перевести дыхание. Хозяин, будто не замечая её вовсе, уселся за свой огромный стол и начал листать старую записную книжку, что-то в ней выискивая. Девушка стояла посреди кабинета в полном смятении, не решаясь присесть без приглашения. Её взгляд остановился на чучеле крупного ворона, что стояло на полке над самой головой магистра. В полутьме могло показаться, что огромная птица живая и лишь специально сидит неподвижно, притворяясь чучелом, чтобы как следует рассмотреть незнакомку.

Пауза затянулась. Наконец, с трудом преодолевая смущение, Аня вновь попыталась объяснить, что она просто пришла с подругой и не собиралась на приём, а главное, не оплатила. Но когда магистр поднял свой тяжёлый взгляд, все слова тут же застряли у неё в горле, девушка вовсе ступсывалась и смолкла.

О, что это был за взгляд! Пронзительный. Прожигающий. И столь пронизательный, что Аня невольно затрепетала. Она за всю свою жизнь никогда не видела таких красивых мужчин, разве что на гениальном полотне Врубеля «Демон сидящий». Один только бывший муж, по мнению Ани, мог бы составить красавцу-колдуну достойную конкуренцию, да и то лишь за счёт подкупающего обаяния.

Магистр, конечно, как и положено демоническим персонам, был одет во всё чёрное. Длинные, цвета воронова крыла, волосы вились по плечам, однако это лишь добавляло его облику мужественности и делало похожим на индейца или пирата. Чернющие огромные глаза поблёскивали в темноте, как драгоценные камни. Да и вся его ладная атлетическая фигура была как будто выточена из камня самим Роденом — мастером выразительных и прекрасных форм.

Оглядевшись, Аня поёжилась. Интерьер кабинета был под стать хозяину — загадочный, жуткий и одновременно завораживающий. Повсюду — полки, полки. Тяжёлые основательные шкафы с ящиками и снова полки со всякой всячиной — от мерцающих металлических шкатулок до сосудов с заспиртованными лягушками и скелетов каких-то грызунов.

В соответствии с архитектурными особенностями, окон в помещении не предусматривалось. Но ведь что-то из благ цивилизации должно было иметься в наличии, хотя бы люстра или настольная

лампа. Но нет, кроме уже виденного ранее карманного фонарика, помещение освещалось лишь десятком тонких свечей. Чёрных свечей. Аня таких никогда не встречала, даже в самых вычурных арт-салонах, из чего девушка сделала неутешительный вывод: «Колдун! Да и, к сожалению, далеко не светлый», — а почему «к сожалению», она так и не смогла себе объяснить.

Дождавшись пока пациентка немного успокоится, Мар'эй подошёл к девушке сзади и без лишних предисловий повелел закрыть глаза.

— Сейчас я проведу ладонью по линии позвоночника, а ты говори мне, что чувствуешь.

И тут же по Аниной спине словно поползла ледяная змея.

— Ой, холодно-холодно!

— Хорошо. А теперь?

В ту же секунду вместо хладнокровной рептилии вдоль позвоночника словно покотился раскалённый круглый камень.

— Горячо, очень!

— Хорошо, — снова бесстрастно повторил колдун и тряхнул ладонью, будто пытаясь избавиться от прилипшей соринки. — Сейчас я потяну тебя назад, не прикасаясь. Не бойся, ты не упадёшь, я успею тебя поймать.

«Почему это он ко мне на „ты“ обращается? Да меня уже лет шесть все на работе только по имени-отчеству величают. И как это, собственно, потяну, не прикасаясь?» — успела лишь подумать Аня, как вдруг явно почувствовала, что могучая неведомая сила тянет её за затылок. С места она почему-то тоже не могла сдвинуться и уже смирилась с тем, что грохнется головой о каменный пол, но тут же была аккуратно поймана сильными руками магистра.

— Хорошо, — снова обронил магистр. — Сможем взаимодействовать. Присядь, — он указал на струганую лавку.

Аня буквально в изнеможении опустила на сиденье, испытывая невероятное блаженство уже оттого, что чародей отстал от неё и даёт передышку от своих ужасных затей. Видя, что Аня вновь собирается объяснять ему, что она, мол, оказалась здесь по ошибке, Мар'эй жестом приказал замолчать. Аня словно подавилась словами и теперь с благоговением и страхом смотрела на него во все глаза.

— Объясню, зачем я позвал именно тебя.

— ?!

— У тебя есть то, что тебе вовсе не нужно и приносит лишь большие печали. Я готов избавить тебя от этого. Но необходимо твоё согласие.

— Что? У меня есть... что? — уже устала удивляться Аня.

— А вот сейчас посмотрим. На-ка, гляди, — магистр открыл перед Аней свою ладонь и подвинул ближе свечу.

Совершенно произвольно Аня забежала глазами, пытаясь прочесть судьбу магистра. Но отпрянула в полном смятии: таких знаков она не видела ни на одной руке. Линии путались, устремлялись не туда, куда нужно. Линии сердца у колдуна не было вовсе, зато линий ума было три, они шли параллельно друг другу, не прерываясь. Линий жизни было две, и шли они не как положено, огибая холм Венеры вокруг большого пальца, а, неестественно изогнувшись, обе линии жизни вдруг почему-то вовсе заворачивали в обратную сторону—на холм Луны. Линия судьбы петляла как ей вздумается, то пропадая, то появляясь. Понять и что-либо прочесть по такой ладони было совершенно невозможно.

— Это же «Ладонь мага»! Её нельзя толковать. Я только слышала о таких, но вот первый раз вижу,—констатировала Аня, с опаской поднимая глаза.

По лицу Марэя пробежала тень загадочной улыбки. Колдун привычным движением машинально наклонил голову, хитро прищурил глаз, и глянул на Аню как-то сбоку—одной стороной лица, что и сам стал похож на большого чёрного ворона, изучающего добычу, перед тем как начать клевать.

— Видеть судьбу через длань—это твой дар. Знаю, что он тебе не нужен, только мешает.

— Мешает...— как замороженная, одними губами повторила Аня.

— Проклятый дар твою судьбу остановил. Не пойдёшь дальше, пока его не сбросишь. Ну что, отдашь?

— Да,—совершенно не задумываясь, согласилась Аня, находясь под гипнозом влажных чёрных глаз колдуна.

— Может, что-то спросить или попросить хочешь?

— Н-не знаю даже...

— Ну хорошо,—усмехнулся Марэй,—тогда начнём. Он усадил Аню на табурет посреди кабинета, накрыл голову синей материей.—Ты расслабься, постарайся ни о чём не думать, а главное—глаза не открывай.

Аня почувствовала, что колдун бесцеремонно положил ей на голову тяжёлую книгу и, раскрыв, начал читать усыпляющую тарабарщину, напоминающую мантры.

Знакомая комната: старый бабушкин стол у окна, трельяж, каких теперь уже и не встретишь в современных квартирах, у тёплой печной стены дочуркина детская кроватка, вечно разобранный сломанный диван—«брачное ложе». Этого скрипучего монстра, пережившего сотню слёзных драм, бывший муж при разводе увезёт куда-то. С кем уж он на нём будет потом выяснять отношения—одному ветру в поле известно, как говорит бабуля. Муж почему-то дома, он молодой, а ещё весёлый

и добрый—значит, подшофе. «Эх, какой же он всё-таки кудрявый да ладненький, всё при нём!»

Аня с ужасом понимает, что это уже было с ней когда-то. И вовсе не какое-нибудь секундное деяние, а явственное, осязаемое прошлое. Она даже знает, что именно случится дальше. И действительно, её крепко обнимает бывший муж, который пока ещё даже и не подозревает, что совсем скоро он станет бывшим:

— Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке», а? Будет тебе от меня память!

Аня с отвращением уворачивается от его пьяных поцелуев и утыкается в подушку. «Ведь этого всего уже давно нет. Почему же на душе по-прежнему так исключительно противно? Может, надо сказать ему? Попробовать что-то изменить?» В её сердце, сжавшемся от подлой неискренности мужа, слабо шевельнулась надежда.

— Никита, ложись спать, не ходи в сенки, не звони никому. Пожалуйста!

— Да я шас, мигом. Курну, и всё. Спи.

Дальнейших уговоров муж уже слушать не собирался. Да, ничего невозможно изменить! Но лучше попробовать и пожалеть, чем вовсе не пытаться. Аня валится на подушку, чувствуя невероятную усталость, только сна почему-то нет и нет. Она знает, что не нужно зря травить душу, что Никита сейчас снова там, как тогда, допивает очередную бутылку и болтает по телефону со своей хамоватой любовницей-молодухой, которая внаглую могла названивать по ночам и дуrom лезла в чужую семью, пока не добилась своего.

«Не нужно, не ходи туда, не рви душу,—угроvarивает себя Аня, но ноги несут к двери.—Что ты хочешь там услышать? Как человек, которого „на Божничку посадила“, тебя с грязью мешает?... Или... А вдруг сейчас, вот сейчас всё совсем по-другому будет? Вдруг он там просто курит... покурит и придёт? Ведь не может же просто так—глупо и нелепо—оборваться их большая любовь. Сколько лет ждала его из мореходки, потом с морских вахт. Дождалась. Но как можно забыть страстные встречи, самое яркое, что только и было в жизни? Как же можно было это предать, променять на кого-то?!»

Вот и дверь приоткрыта в сенки, та самая дверь, обитая коричневым дерматином с фигурными гвоздиками-цветочками, дедушка ещё при жизни сам обивал. Вот слышно, как Никита с шумом выдыхает табачный дым, говорит по телефону. С ней, той—другой.

— Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке». Будет тебе от меня память!

«Ну надо же, тварь поганая, ведь слово в слово! Хотя бы одно словечко-то другое вставил! То ли все фантазии нет?» Аня хватается ковшик—первое,

что подвернулось под руку,—и кидается на супруга. Лупит, не видя, куда придётся: по голове, по телефону, по пепельнице на столе, по бутылке с остатками вина. Глаза застилает кровавая пелена. Тёмно-рубиновое пятно разрастается на белой поверхности стола, вино тонкой струйкой стекает на пол.

«Не-е-ет! Ужас! Ужас! Не-ет. Сейчас же дочка проснётся, испугается, начнёт плакать. Бабушка босиком и в одной ночной рубашке кинется защищать меня, отдирать от разъярённого супруга. Какой кошмар. Не хочу!» Аня закричала, замотала головой из стороны в сторону, как раненый зверь. И открыла глаза.

С удивлением она обнаружила себя в странной комнате колдуна. Вокруг неё в диком вихре неслись все вещи, дубовый стол, полки со старыми книгами и непонятными инструментами. Марэй крепко схватил бедняжку за плечи и остановил кружение. — Ишь как беси¹ крутят. Не бойся. Всё кончилось.

Только теперь Аня начала понемногу приходить в себя и поняла, что не комната кружилась вокруг неё, а это она сама шаталась так, что чуть не слетела с табурета.

Марэй по-отчески похлопал девушку по плечу: ничего, мол, всё перемелется. Потом некоторое время вглядывался в Анино лицо, словно врач, ища остатки недуга.

— Так, ну вот, всё замечательно. Зрочки в норму пришли.

Вдруг в Аниной душе, словно мышшь, заскобило острыми коготками сомнение: а правильно ли она поступила? Девушка замылась и, чтобы оттянуть момент расставания, неожиданно спросила:

— Вот одно только... можно спросить? Раз уж так всё получилось. Что ж меня саму-то в жизни ждёт? Столько рук за свою жизнь прочитала, тайн чужих увидела, а свою руку никогда не могла растолковать.

Колдун улыбнулся ей, словно несмышлёному малышу, который просит о какой-то безделице.

— Ну-ка давай. Как раз и испытаем новые способности,—он вглядывался в Анины ладони, не в силах скрыть удивления, однако на слова остался, как обычно, скуп.— Большие перемены тебя ждут. — К хорошему или плохому? — неожиданно для себя самой переполошилась Аня.

— К хорошему,—заверил её Марэй и, чуть помолчав, добавил: — Только просьба у меня к тебе. Когда будешь в столице в большом почёте, не забудь обо мне. Обещаешь?

Ане ничего не оставалось, как неуверенно кивнуть, не в силах оторвать взгляда от прожигающих демонических очей Марэя.

— Ну да ладно. Всё. Иди.

Выпроваживая клиентку, колдун как будто на самом деле вовсе не хотел, чтобы она уходила. Он

медленно подошёл, чтобы лично открыть перед Аней дверь,—видимо, это являлось наивысшим проявлением благосклонности магистра. Не своя с неё глаз, он словно старался как можно лучше запомнить её черты. Так, наверное, смотрят друг на друга очень близкие люди, когда впереди долгая разлука и суровые испытания.

Теперь, когда колдун подошёл так близко, Аня разглядела серебряные ниточки в его вороных кудрях, а в одном ухе—маленькую серьгу колечком. «Вот интересно, он армянин или цыган? Имя у него настоящее или выдуманное? Если настоящее, то как его мама в детстве звала? Может быть, Марик?»—отчего-то полезли в Анину голову глупые и ненужные сейчас вопросы. Словно прочитав её мысли, Марэй попытался улыбнуться ей на прощание. Но, видимо, делал он это столь редко, что подобие улыбки получилось растерянным и беззащитным, обнаружив на щеках магистра трогательные ямочки. В ответ Аня почувствовала некий слабый отголосок чувства, похожего на родственное сострадание к этому странному человеку, как будто тот был ей кем-то вроде больного младшего братишки: «Мы теперь чем-то связаны. Навсегда, даже если никогда больше не встретимся, и это неведомое „что-то“ породило нас навеки!»

Напоследок Аня вспомнила о поджидающей в тёмной комнате Яночке и застыдилась, ведь о её жизненно важном вопросе ничего не спросила. Но Марэй, будто угадав вопрос, уверенно сообщил: — Подруге своей скажи, чтоб ехала к мужику-то и не раздумывала. Не просто так он в её жизни образовался. Всё хорошо у неё с ним будет, пусть не сомневается.

Когда Аня появилась в зале ожидания, Яночка, что всё это время сидела как на иголках, кинулась к ней с немым вопросом. Аня твёрдо взяла подругу за руку, лишь шепнула на ухо:

— Пошли отсюда!

Несмотря на вечерний час, на улице было ещё светло. Некоторое время девушки шли молча. Было приятно выйти из подземелья «на волю». Даже тесные дворики казались теперь просторными, а тяжёлый городской воздух—свежим.

Субтильные городские берёзки уже успели украсить себя длинными серёжками и укутаться в нежно-салатовые облачные вуали. Апрельское солнце рассыпало ярко-жёлтые веснушки одуванчиков по игольчатым коврикам травы.

Подруги присели на одинокую лавочку под клёнами. Высокие кудрявые красавцы уже распустили пушистые метёлки, похожие на головы папуасов. Лишь один худенький клён-подросток, отстав от старших собратьев, тянулся к ним изо всех сил. Клейкие разбухшие почки на его тонких ветках, словно крошечные птенцы, широко

1. Беси (устар.)—бесы.

разинули клювики в немом крике: «Подождите! Возьмите меня с собой!»

«Надо же, вот же он, тот трогательный есенинский кленёночек!²»,—умилилась Аня, удивлённо отметив, как быстро наступила вдруг весна, преобразив всё вокруг до неузнаваемости.

— А помнишь, как раньше, в детстве, мы по дороге в школу или из школы разглядывали каждую былинку, замечали малейшие изменения? А теперь всё внезапно на голову падает: р-раз—и весна!—заметила Аня.

Вдохнув поглубже аромат весны, Аня поведала Яночке о наказе магистра: чтоб та непременно ехала к Адикю и не думала сомневаться, а ещё о том, что теперь больше никогда не сможет гадать по руке. Магии больше нет.

— Ка-ак, вообще? Никому-никому?—удивилась Яночка, которая не могла представить подругу отдельно от её удивительного дара.—Ну-ка глянь!

Подруга протянула Ане руку, и та машинально вперилась взглядом в ладонь. Аня по привычке ощупывала тонкие пальчики, холмы и впадины, всё яснее и яснее осознавая, что теперь волшебная дверь закрыта для неё навсегда. Аня ожидала почувствовать разочарование, но вместо этого ощутила лёгкость и умиротворение, словно душа её освободилась от тяжкого опостылевшего груза.

— Ничего не идёт. Ну, вот просто ладонь как ладонь, и всё. Я помню, конечно, прекрасно, как называются линии, холмы, помню все знаки... и что? Ничего. Не идёт информация. Закрыто!

— И как тебе? Это хорошо или плохо?

— Н-не знаю пока. Вроде бы вот как-то легче стало, будто камень с души свалился.

— И что, не будет теперь наших гадательных девичников? И никаких тебе предчувствий, и никаких больше вещей снов, клиентов, что к тебе толпами ездили?

— Да и слава Богу!

— А знаешь, Ань, а ведь не поеду я ни в какую Германию. Мой Адик ведь скоро на пенсию пойдёт. Так вот, пусть лучше сам сюда переезжает, раз так любит всё русское. Такой-то домик, как у него, мы себе и здесь запросто организуем, а? Как думаешь?

Анины глаза подозрительно заблестели, и она, еле сдерживаясь, чтобы не закричать от нахлынувшей радости, весело заметила:

— Вот если бы мне ещё сегодня утром сказали, что в нашем городе Бэ под центральной площадью какой-то жуткий колдун сидит... ну, я бы подумала, что надо мной просто-напросто издеваются!

Безудержный смех вырвался наружу с такой силой, что обоих переломил пополам. Они хохотали как сумасшедшие, до слёз, до колик в животе, до головокружения. Смешно им было вовсе не от сказанного, а оттого, что просто вокруг расцветала весна, а завтра выходные, и скоро настанет долгожданный отпуск, и вообще они ещё молоды, и впереди их ждёт всё только самое хорошее и светлое...

Подходя к своему дому, Аня издали заметила долговязую фигуру Никиты, что в нерешительности мялся у подъезда. Когда Аня подошла ближе, она увидела в руках у бывшего мужа новенькую женскую куртку чудесного бирюзового цвета. «Надо же, я ведь именно такую бы себе и купила... если б деньги были»,—только и успела подумать Аня, как оказалась в сильных жарких мужских объятиях.

.....
2. Стихотворение-миниатюра Сергея Есенина «Там, где капустные грядки...» (1910 год):

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зелёное вымя сосёт.